

явилась большим препятствием для развития общих учений нашей науки» (С.131). По Менгеру, «потребительная ценность благ растет по мере уменьшения доступного распоряжению количества их, и наоборот» (С.150 и др.). Таким образом, «настоятельность потребностей, удовлетворению которых служит благо, не может сама по себе быть моментом, определяющим меру ценности» (С.152 (курсив Менгера)). В этом смысле критика Маркса Менгером сводится к выделению пар *полезное/ценное* и *экономическое/неэкономическое*, деконструируя тем самым целостность и неделимость у Маркса *человеческой потребности* как таковой. Несмотря на то, что Менгер остается в пределах экономического мышления (определяя *экономическую ценность* и *ценность* вообще через *нехватку*), но, тем не менее – или именно поэтому, – его критическая по отношению к Марксу позиция выглядит куда более основательной, чем у Деррида, который с самой *потребностью* не спорит, доверяясь тем самым наивному аксиологическому допущению XIX в.

⁴⁰ Деррида Ж. Призраки Маркса. С.225 (курсив Деррида).

УДК 111 32

ЛИЧНОСТНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ

Н.Я. Веретенников

Саратовский государственный университет,
кафедра методологии науки и социальной философии

В статье рассматривается проблема личностного самоопределения в условиях современной социальной ситуации, характеризующейся кризисом индивидуальной и коллективной идентичности. Автор предлагает новые пути и нравственно-духовные ориентиры для самоопределения личности в условиях сложной диалектики субъективной свободы и общественного порядка. Самоопределение личности предстает как открытый проект с наличием различных возможностей для творческого и деятельного проявления.

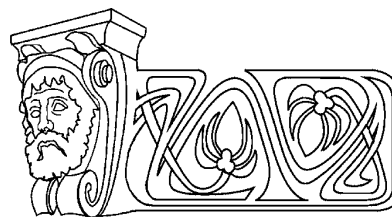
Personal Self-determination and the Present: the Value Aspect

N.Ya. Veretennikov

The article explores the problem of personal self-determination in the present social situation, which is characterized by individual and collective identification crisis. The author of the article offers new ways and moral reference points for personal self-determination in a complicated dialectics of subjective freedom and public order. Personal self-determination appears as an open project allowing for various opportunities for creativity and activity.

Представляя сообщение на предложенную тему, хочу начать с дефиниции личностного самоопределения как смысложизненного выбора личностью ценностной позиции, задающей смысл её существования, с которой она оценивает себя и действительность,

⁴¹ Эта производность консерватизма заявляет о себе в самом термине, который, очевидным образом, пытается сохранить нечто там, где это нечто само собой уже очевидным образом не сохраняется. Ведь общество, целиком «консервативное», мы не называем таковым, но, напр., «традиционным». Что касается самого Хайдеггера, то его небезосновательно относят к деятельности «консервативной революции», о которой Алексей Руткевич, исследователь консерватизма XX века, говорит так: «Это “движение” получило... наименование “консервативная революция”, а одним из его основных тезисов (или даже лозунгов) было намеченное Шпенглером соединение консерватизма и социализма в борьбе с либерализмом и парламентаризмом, с той “внутренней Англией”, которая способствовала поражению Германии в мировой войне» (Руткевич А. Прусский социализм и консервативная революция // Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002. С.189). Обратим особое внимание на то, что под «внутренней Англией» Шпенглер имеет в виду, прежде всего, *марксизм* в том виде, в каком он начал шествие по Европе в первой четверти XX в.

познаёт меру собственного бытия, открывая путь к какому-то новому содержанию.

При этом самосознание, внешним проявлением которого является самоопределение, предстает как целиком деятельностный, свободный от какой-либо непосредственно предзаданной реальности акт смыслообразования, осуществляемый в пределах мысли и только мысли.

Человек нуждается не только в осмыслении внешнего бытия, соотнесении его со своими внутренними запросами и интересами, но и в определении самого смысла своего собственного существования, смысла, дающего основание и целесообразность самой его жизни.

Поиск, занятие некоторой позиции вне находимости – выход в некий контекст для самоосмысления и есть самоопределение.

Проблема самоопределения человека в большой степени оказывается связанной с чем-то невещественным и нематериальным, но тем не менее, не только реальным и суще-

ственным, но и способным решающим образом сказаться на его поведении, строе и особенностях сознания, что порождает вполне определённые мотивации, оценки, мнения и переживания.

Речь идёт о духовном опыте, под которым понимается способ осмысления действительности, общества, человека и его места в мире среди других.

Духовный опыт, в отличие от менталитета, историчен и конкретен, он связан с реальной жизнью, является её осмыслением, он уточняется, меняется, развивается.

Актуальность проблемы «ценностный мир человека» определяется новой современной ситуацией, которая отличается высокой динамичностью социальных процессов, когда заметно ослабевают связи с богатыми традициями прошлого; ранее сложившиеся ценностно-нормативные системы духовно-нравственного характера теряют свою актуальность в прежнем своём содержании, и это требует от личности в процессе своего самоопределения экстраполяции прежних тенденций, более глубокой и обновлённой рефлексии при выборе новых ориентиров и переоценке категориальных ценностей на метафизическом уровне.

Актуальность обсуждаемой проблемы обусловлена потребностью изменения ценностно-смысловой структуры личности, которая бы не только обеспечивала ему ориентиры в жизни, но и способствовала бы более активной деятельной позиции в решении новых проблем, опираясь на русский духовный опыт, в котором сублимирован весь исторический потенциал народа. Духовное здоровье русского человека не возможно без живительных истоков духовной традиции отечества, без мощной его корневой системы культуры.

Русский духовный опыт содержит в себе всю полноту нашего бытия не только как его образующая мера, но и как открытая его возможность. Поэтому актуальна необходимость обращения к сущностным ценностям трансперсонального характера и к ценностному богатству русского духовного опыта.

Современное аксиологическое пространство, характерное порождением множества специфических критериев оценки жизни, яв-

ляется невероятно сложным для самоопределения человека. Современная ситуация в обществе поставила перед человеком сложную проблему: как правильно, по-новому самоопределиваться, выбрав ту или иную нравственно-духовную систему ценностей.

В русском духовном опыте мы имеем дело с исключительно целостным миропониманием, связанным с очень напряжённым нравственным чувством. Так, И.А. Ильин пишет: «Духовный опыт у людей сложен и по строению своему многообразен; он захватывает и сознание человека, и бессознательно-инстинктивную глубину души: одному говорит природа или искусство родной страны; другому религиозная вера его народа; третьему – стихия национальной нравственности; четвёртому – величие государственных судеб родного народа; пятому – энергия его благородной воли; шестому – свобода и глубина его мысли и т.д.»¹. Особое место в русском духовном опыте занимает патриотизм, «...патриотизм, исходящий от духовной отчизны, сокровенный и «таинственный», вмещающий «иному гласу», созерцающий «грань высокого призвания» и «окончательную цель» с тем, чтобы постигать и любить быт своего народа с этой живой, метафизической высотой»².

Духовный опыт при систематическом и целеном приобретении всегда даёт человеку ясность понимания реальной действительности, сообщает ему целый ряд свойств, черт и способностей, проявляющих подлинность его бытия, формирует в нём убеждения, которые строят личность, обновляют её духовный фундамент, помогают совершить переход к другому способу бытия.

Духовный опыт приобретается на всём жизненном пути. Человек, обогащающийся таким образом, предающийся такому опыту, «неизбежно начинает быть по-новому; по-новому воспринимать сначала одни духовные предметы, а потом через них всё остальное – по-новому видеть, по-новому утверждать себя и жить. Он совершает переход в другой способ бытия, а вследствие этого и в другой способ делания. А в религиозном контексте через духовный опыт человек общается с божественной стихией мира и входит в живое соприкосновение с Богом. На

процесс самоопределения человека в реальной действительности оказывают влияние многие внешние и внутренние факторы.

Итак, самоопределение представляет собой фундаментальную предпосылку личности. Это определение человеком своего смыслового будущего на основе высших духовно-нравственных образцов и его реализация на своём жизненном пути – самоопределение к добру.

Многое в плане самоопределения личности задаётся ценностно-смысловым пространством, взрастившей её цивилизации, т.е. сложившимися соционормативными регуляторами жизнедеятельности человека – духовными, морально-нравственными, корпоративно-групповыми, семейными и др. Особую роль здесь играют глубинные пласты духовности, психической реальности, которые крайне трудно поддаются и рациональному постижению.

П.Я. Чаадаев, анализируя исторические тенденции России, увидел константу её жизни в «безличном хаосе», в отсутствии гарантий для собственности и свободы личности, в тотальном подавлении человека властными структурами. То есть главным препятствием на пути личностного самоопределения было интериоризированное благоговение перед государством. И уже после революции Н.А. Бердяев писал: «Одна и та же болезнь нашего национального духа обнаруживается на противоположных полюсах. Та же не раскрытость и неразвитость у нас личного начала, культуры личности, культуры личной ответственности и личной чести. Та же неспособность к духовной автономии, та же нетерпимость, искание правды не в себе, а вне себя. Русский “коллективизм” и русская соборность почитались великим преимуществом русского народа, возносящим его над народами Европы. Но в действительности это означает, что личность, личный дух недостаточно ещё пробудились в русском народе, что личность ещё слишком по-гружена в природную стихию народной жизни»³.

Индивидуальное самоопределение представляет собой довольно сложный процесс. В условиях кризиса коллективной и индивидуальной идентичности отдельному индивиду кажется, будто его собственная самость, его «Я» само по себе, его душа за-

перта, словно в темнице, в чём-то чуждом и внешнем, что называют «обществом», что со стороны других людей, других сил, злых, иногда добрых, на него оказывается давление и совершается насилие над его самостью, его чистым «Я».

Лежащая в основе всех этих представлений концепция противопоставления «чистого Я» и общества, которое противопоставлено индивиду как нечто существующее вне его, несомненно, имеет смысл как выражение необходимости самоопределения, самоутверждения, приобретения новой личностной идентичности, но всё это должно осуществляться в более широкой связи исторического общественного развития.

Надо признать, что личный опыт всё большего числа людей уже не согласуется со смыслами уже обжитых универсалий. Сегодня человечество переживает такую эпоху, когда ломаются базисные ценности техногенной цивилизации. На наших глазах возникает общество гигантских рисков и обострения глобальных кризисов. Всё отчётливее возникают проблемы новой стратегии человеческой жизнедеятельности, а значит и нового личностного самоопределения человека. И если классическая философия посредством разума стремилась выявить субстанциональное единство мира, то теперь подобная попытка оценивается как угроза человеческой свободе, как проявление власти над человеком обезличенных сил и структур. Свобода и разум оказываются во взаимоисключающем отношении. Одним словом, прошло то время на Руси, о котором писал В.О. Ключевский: «Русское общество отличалось однородностью, цельностью своего нравственно-религиозного состава. При всём различии общественных положений древнерусские люди по своему духовному облику были очень похожи друг на друга, утоляли свои духовные потребности из одних и тех же источников»⁴.

Надо заметить, что проблема индивидуализации, неповторимости личности, самоутверждения личности – явно не предмет повышенного интереса российского духовного опыта. Русская религиозная философия, пытаясь вооружить человека практической программой жизни, концепцией высшего смысла жизни, нравственным идеалом, руководствовалась при этом принципиальными

положениями богословского учения о личности. В соответствии с христианской антропологией самоутверждение всегда равносильно отвержению, отрицанию другого. «Самоутверждение индивидуума, – пишет Митрополит Сурожский – есть и отказ от самой способности любить, потому что любить – это прежде всего признавать в другом само его существование, признавать, так сказать, актуальность другого... и воспринимать как реальность благодать, как участника в общей гармонии вселенной, и относиться к нему соответствующим образом, т.е. с уважением, чувством почтительности...»⁵. «Высшим проявлением отдельности твари от Бога, её самостоятельности, есть её свобода. И самый факт греха, который служит важнейшим источником наших религиозных сомнений, является документом этой свободы, её наглядным проявлением и доказательством... Источником греха является не Божество, а свобода твари, её самоопределение и отпадение от Бога»⁶. По этому поводу Н.А. Бердяев пишет: «...я твёрдо стою на том, что преодоление самоутверждения и гордыни есть главное в христианстве. Это самоутверждение и гордыня скрываются и за смирением»⁷.

Переходя к современному рассмотрению проблемы личностного самоопределения, хочется вновь подчеркнуть, что самоопределение разума может осуществляться не только лишь по отношению к области духовного. Самоопределение личности является также деятельным отношением к ситуации. При этом человек поступает в соответствии с определёнными нормами. Э. Агацци замечает: «Они предписывают действовать определённым образом, не потому, «что это непреломный путь к достижению некой заранее предвиденной цели, а потому, что они приняты как некое безусловное благо, как ценность в себе и для себя»⁸. Существование норм зависит от признанных ценностей в обществе.

Каждая личность своеобразна, потому руководствуется «своими» нормами в соответствии со «своими» ценностями. Но при этом личность не освобождается от социальных характеристик. Помимо свободно определяющей свои цели, она не расстаётся с органической склонностью к социальной жизни, независимо от всех совершающих изме-

нений в обществе. Здесь сказываются отложившиеся в духовной организации личности социальные связи.

Идеальная природа ценностей реализуется и существует не иначе как в конкретных психологических переживаниях и ценностных актах живых людей, а также во вполне определённом социокультурном и историческом контексте.

Огромную роль в становлении гармоничной системы ценностных модальностей, а также в её продуктивном практическом функционировании играет ценностный идеал. Он есть не только самое высшее, но и самое конкретное, зримое и действенное, что есть в мире ценностей.

Видя, как рушатся сложившиеся нормативно-целостные системы, можно было бы поступить, как в своё время сделал Н.А. Бердяев, предъявив свои требования к несовершенству мира, в котором существование стало «похоже на болезнь» и не освобождается от чувства непрерывного унижения, зависимости, несвоевременности человека, обратиться к абсолютным, универсальным, вневременным средствам сохранения достоинства личности и помогающие ему выбрать коррективы и смысл своей жизни. Но время изменилось, изменилось общество. Необходим сегодняшний взгляд, подход и анализ реалий, характерных для современного состояния общества.

Неопределённость социальной ситуации, незащищённость российского человека перед переменами, к которым он не успевает даже адаптироваться, чрезмерная его поглощённость повседневной жизнью, борьбой за выживание являются немаловажными факторами формирования им своего смысла жизни и самоопределения.

Итак, мы выделяем одну из главных причин ценностных сдвигов, влияющих на самоопределение «массового» человека российского общества, – ситуацию неопределённости и как её следствие – неспособность человека к планированию и достижению долгосрочных целей, жизненных стратегий, освещённых высшими духовными идеалами, ценностями. На место высших духовных ценностей приходят интересы повседневности, возникает, по выражению В.Г. Федотовой, «неукоренённый индивид» в русском

духовном опыте, утративший связь времён и связи поколений⁹. В таких условиях человек, не контролируя своего настоящего, не может представлять или планировать будущее, и особенно ясно осознавать своё прошлое. Он оказывается лишённым выбора и иных ориентиров. Глубокие ценностные изменения не в лучшую сторону пронизывают все сферы жизни человека. Это влечёт формирование индивидуальности, личности в упрощённой форме. Распад общих ценностей, особенно морально-нравственных ценностей чревато потерей социального капитала – основы консолидации общества.

В условиях потери общего основания ценностей и доверия человек теряет способность к трансцендентальному прорыву к духовным возвышенным идеям, или к универсальным ценностям. Краткосрочность, отсутствие высоких духовных идеалов – весьма заметная черта современной российской жизни сверху донизу. Все великие ценности духовного опыта, создававшиеся предыдущими поколениями, оказываются лишёнными содержания. Современное состояние общества ведёт ко всеобщей апатии, лучше сказать, к безразличию, которые стали реакцией растерявшегося человека на навязывание ему избытка информации и перемен, и неготовности к быстрому осмыслению социальной динамики. Люди начинают думать о том, что отныне можно жить, не имея перед собой ни цели, ни смысла. Ж. Липовецки в своё время это назвал «массовым опустошением». Социальная динамика, увеличение количества кризисных ситуаций, требующих новых переосмыслений универсалий культуры, с чем не справляется наше инерционное сознание и самосознание, – всё это характерно тем, что в современной ситуации ранее сложившиеся смыслы универсалий уже не способны обеспечить сцепление и взаимодействие новых и традиционных способов деятельности, поведения, что в конце концов, затрудняет решение проблемы личностного самоопределения. Это усугубляется полной невыясненностью той исторической перспективы, которая могла бы быть приемлемой для общества в целом и ориентиром для отдельных людей.

Раньше человек был «организован» логикой идеологии, морали, воспитательного процесса на всех возрастных стадиях, был

погружен в единообразии правил, чтобы устранить всякие предпочтения и особенности единообразного всеобщего закона, будь то «всеобщая воля», правила общежития, моральный императив, требования революционной партии: всё происходило так, словно индивидуальные ценности могли возникнуть лишь в рамках обозначенных систем, определяющими всю жизнь человека. Сегодня мы видим, что идеал подчинения личности рациональным коллективным правилам рассыпается и человек почувствовал возможность выбора в индивидуальном самостоятельном развитии, независимость от новых форм контроля и гомогенизации. Он начинает в «силу» своей духовной выстроенности, интеллекта и ментальности пересматривать сложившуюся иерархию индивидуальных ценностей. Условия для становления личности в нашем обществе радикально изменились.

Сегодня надо совершить одно из немаловажных дел: преодолеть скепсис, определяемый прежде всего сознанием сложности эпохи, столь богатой противоречиями, её способностью к быстрым и радикальным изменениям и, выражаясь образно-поэтическим языком, переплыть через реку с опасными «омутами» и «лесными топями» и, не захлебнувшись от первых успехов, ощутить в себе огромную силу освобождения и выйти уверенно на желанный берег. Пришло время воплощения идеи формирования в себе, по Флоренскому, «нового человека», сливающего в себе черты разных культур: религиозной и светской, европейской и восточной, научной и художественной, национальной и всемирной. При этом нельзя забывать отчаянный антропологический проект Фрейда: поставить перед собой задачу пройти свой путь, научившись понимать самого себя, что побуждает личность к переходу от иллюзорного всемогущества через страх перед тотальным бессилием к более реальному ощущению своей силы и правильному выбору своего жизненного смысла. А смысл правильного индивидуального существования в выборе прежде всего духовных ценностей. Н.О. Лосский, определяя ведущие черты русского народа, назвал из них самую главную – способность к высшим формам опыта.

Самоопределение личности предстаёт как открытый проект. Многомерный процесс развития и самоопределения личности зада-

ются как объективными условиями, так и личностными особенностями субъекта, социальным пространством, которое предстаёт как наличие разных возможностей для действия. Одним словом, аксиологическое пространство самоопределяющейся личности является для неё невероятно сложным и требует от неё больших усилий (интеллектуальных, духовных) в «координации» ценностных установок. И если к этому добавить существование разнообразных этносов и национальных культур народов российского общества, то мы можем представить, как не просто человеку определить свои ценностные приоритеты. Необыкновенная сложность аксиологических систем, их открытый характер и подверженность различного рода случайным воздействиям, их неожиданные флуктуации, обусловленность их культурно-историческим контекстом – во всём этом надо найти себя и выстроить свой жизненный путь.

При рассмотрении внешних факторов самоопределения личности большую роль играет понятие «современность», которое обозначает проблемную ситуацию, в которой оказываются человек и общество. «Современность» заявляет себя, прежде всего, как двуединая проблема субъективной свободы и общественного порядка. И по замечанию Б.Г. Капустина, ныне «абсолютная самостоятельность» непосредственно оборачивается беспощадностью и беспредельностью эгоизма, угрозой гоббсовской «войны против всех». И эта постоянно предстающая угроза нейтрализуется в разных культурно-исторических контекстах современности разными (институциональными, духовными и т.д.) средствами, с помощью которых решается проблема порядка¹⁰. С одной стороны, «современность» устойчиво ассоциируется со свободой – независимых суждений и самостоятельного выбора, а с другой – она предстаёт совокупностью жёстких стандартов – императивов, несоблюдение которых карается отлучением от неё и поражением в формальном и неформальном статусе. «Современность» не терпит консерватизма, она требует от каждой самоопределяющейся личности опираться не только на традиционные идеалы, легитимировать себя через апелляцию к предпосланным традициям. Её критичность, самопроизводство и самообоснование – три ключевых

характеристики выступают и как три императива для выживания и активного, деятельного, практического самоопределения индивида. Учитывая многие положительные социально-психологические качества российского менталитета, надо отметить, что его свойство – консерватизм, несет положительную нагрузку, вечный поиск некоего пласта или среза действительности, сохраняя положительное ядро русского национального опыта. Гипостазирование, в духе платоновского философствования «сущностей» вне общественной практики может подавлять частный интерес (подчиняет его Долгу, Добродетели, служению Общественному Благу).

Современность предстаёт не только с некоторым противным содержанием. Она предстаёт для человека и как проблема и вызов ему. Человеку, выбирающему истинный смысл жизни, надо внимательно к ней отнестись, чтобы выбрать поистине высокие духовные ориентиры, которые не только станут твоим идеалом, но и ещё помогут эффективно решать вставшие перед тобой и обществом проблемы.

Сегодня актуальным стал вопрос индивидуального самоопределения в контексте процесса развития возможных практик и теорий в современном российском обществе. Человеку дано прожить много потенциальных жизней, а ему предлагается только одна реальная, что вызывает неудовлетворение и потребность в поиске других возможных жизненных путей. Мыслительный потенциал человека выше, чем сумма предлагаемых ему обстоятельств, которые могли бы востребовать что-то другое, возможное для удовлетворения его интересов, потребностей, мечты. Речь идёт об особом бытии, бытии трансцендентальном, которое открыто человеческому существованию, давая возможность творчеству и преобразованию реального мира, то есть о мире возможного. Вся современная действительность пронизана возможными путями самоопределения личности, когда человек из состояния «есть» переходит в модус «если» и предъявляет к себе соответственно «посибилитического» подхода, т.е. смещение акцента с описания сущего и преобразовательного активизма к осмыслению как порождению всё новых и новых возможностей, альтернативных моделей сознания и поведения.

До недавнего времени европейская метафизика, создавшая царство общих идей, имела свою обратную сторону – европейскую историю, в основе которой лежало стремление низвести эти отвлечённые идеи обратно на землю, воплотить их в жизни общества. Сначала идея отвлекалась от реальной жизни, приобретала метафизический характер, чтобы с новой силой вовлекаться в преобразование этой реальности, способствующей правильно создавать историю. Стремление их осуществить как императив господствовало и в общественном, и в индивидуальном сознании. Идеи, заложенные в универсалиях, должны воплотиться. Эта модель, верно служившая развитию западной цивилизации, да и российского общества, на протяжении многих веков уже отказывается работать. Не только метафизическая отвлечённость перестаёт воодушевлять, но и историческая вовлечённость. И если рассуждать в контексте «философии возможного», то универсалиям можно придать второе дыхание, связав их с потенциями, когда они предстают не столько как объекты в платоновском смысле, сколько потенции, актуализация которых образует мир действительных событий. Например, добро, красота и другие универсалии принадлежат одновременно области возможного и невозможного, той модальности, которая их объединяет. Универсалии могут существовать только как возможность чего-то, что есть они сами. «Универсалии – это вечные возможности; они не могут сами воплотиться, но могут бесконечно мыслиться, оставаясь при этом возможностями», – пишет М.Н. Эпштейн¹¹. Универсалии позволяют описывать действительный мир, как если бы он был возможным. Такое понимание универсалий открывает новый горизонт мыслимого, это создаёт новую возможность в универсуме.

В жизни моего «Я» есть уровни разной глубины: социальный, физический, эмоциональный, интеллектуальный, – но глубже всех этих уровней лежит не действительность, а возможность «меня». Моё самое глубокое ощущение: меня нет, но я возможен. Я могу быть. И это «могу быть» сохраняется под оболочкой всех «есть», с которых

ми человек то и дело отождествляет себя. Личность – это возможность самой себя, которая не исчерпывается никакой самореализацией. Я могу реализовать себя в семье, искусстве, в науке, в политике, но как только сделанное мной приобретает свойство реальности, я чувствую, как моё «Я» вновь ирреализуется, уходит в глубь собственных возможностей. «Я» – это вечная неосуществимость. Личность никогда ни в чём не осуществляется, а значит, и не может исчезнуть как возможность. По Бердяеву, воление и творчество суть способы реализации возможного, и даже в своём предельном развитии они не исчерпывают его глубину, которая есть невозможность. Воление и творчество увеличивают объём реализованного бытия. Именно невозможность полного воплощения творческого потенциала человеком и создаёт условия для потенциации самого бытия, его перехода из действительного в возможное. Идёт вечный процесс овозможения самого существования.

Самоопределение личности в современном мире должно быть активным, то есть способствовать своей позицией и творчеством преобразованию действительности, не в модусе должествования, а в проективно-конструктивном характере с позиции желаемого и предложения нового.

Развитие информационных технологий и, в частности, широкое использование ведущей из них – Интернета – порождает ряд проблем, связанных с возможностью осуществления свободной человеческой деятельности. Интернет, как глобальное явление, как новое техническое средство, порождает ряд революционных возможностей для проявления свободы, реализации человеческой идентичности и расширение выбора возможных путей творческой активности. Но пребывание в виртуальном пространстве создаёт новые перспективы для «игр с идентификацией». В виртуальной среде вы можете быть тем, кем хотите, выглядеть как угодно, быть существом любого пола по выбору, словом, у вас нет ограничений, характерных для материального мира. Бесспорно то, что создание виртуальных личностей может обогащать человека, развивать в нём способности при-

способления к новым условиям. В то же время уход в виртуальный мир чаще всего обусловлен определёнными проблемами в реальной жизни и играет чисто компенсационную функцию. Помимо приобретения положительных личностных качеств, вызывает беспокойство и даже опасность появления виртуальных личностей, осуществляющих деструктивные функции.

Итак, личностное самоопределение как сложный процесс происходит в пространстве русского духовного опыта, который в свою очередь по содержанию динамичен, имеет свои проблемы и перспективы. Свобода здесь предстаёт не как осуществление задуманного, а воление к расширению сферы возможного, учитывая, что российское общество находится в сложном проблемном состоянии.

Примечания

- ¹ Ильин И.А. Религиозный смысл философии. М., 2003. С.231.
- ² Там же.
- ³ Бердяев Н.А. Мирозерцание Ф.М. Достоевского // Бердяев Н.А. О русских классиках. М., 1993. С.190.
- ⁴ Ключевский В.О. Исторические портреты деятелей исторической мысли. М., 1990. С.148.
- ⁵ Митрополит Сурожский. О самопознании // Вопр. психологии. 1994. №5. С.115.
- ⁶ Трубецкой Е. Смысл жизни. М., 1994. С.331.
- ⁷ Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991. С.189.
- ⁸ Агацци Э. Человек как предмет философии // Вопр. философии. 1989. №2. С.30.
- ⁹ Федотова В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопросы философии. 2005. №11. С.3–23.
- ¹⁰ Капустин Б.Г. Современность. Новая философская энциклопедия. М., 2003. Т.3. С.587.
- ¹¹ Энттейн М.Н. Философия возможного. СПб., 2001. С.123.